

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ВЫПУСК 147

ЭПОХА 1812 ГОДА

Исследования. Источники.
Историография

IV

Сборник материалов

*К 200-летию
Отечественной войны 1812 г.*

Москва
2005

¹ Местечко Янов – ныне г. Ионава, Литва.

² Ляпунов Семен Ефимович – личность не установлена.

³ 15(27) января 1813 г. Главная квартира располагалась в г. Вилленберге (ныне Вельбарк, Польша).

⁴ 16(28) января 1813 г. авангард армии адмирала П.В. Чичагова находился у крепости Торн (ныне Торунь, Польша).

⁵ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 59–60.

⁶ Ермолов Алексей Петрович (1772–1861), в январе 1813 г. генерал-лейтенант, начальник всей артиллерии русской армии.

⁷ Левенштерн Карл Федорович (1771–1840), барон, генерал от артиллерии (1829). В 1813 г. в чине генерал-майора командовал артиллерией резерва гвардейского и гренадерского корпусов.

⁸ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 61–64.

⁹ Блокада крепости Торн началась 27 января 1813 г. 4 апреля подписана капитуляция, по которой крепость сдалась 6 апреля 1813 г.

¹⁰ Веселитский Гавриил Петрович (1774–1829), генерал-лейтенант (1826). В 1812 г. в чине полковника был назначен начальником артиллерии 3-й Западной армии и находился в этой должности до замены его генерал-майором А.А. Аракчеевым. За отличие при осаде и взятии крепости Торн награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

¹¹ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 333–334.

¹² Это письмо не имеет даты, но в нем есть ссылка на праздник Воскресения Христова, который в 1813 г. был 13 апреля. Имеется также указание, что автор письма находится в крепости Торне, которая капитулировала 6 апреля. Из этого можно заключить, что письмо написано не ранее 7 и не позже 12 апреля 1813 г.

¹³ Барклай де Толли Михаил Богданович (1757–1818), генерал-фельдмаршал (1814). С 4 февраля 1813 г. в чине генерала от инфантерии главнокомандующий 3-й Западной армией.

¹⁴ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 515–516.

¹⁵ Осада крепости Модлин началась 16(28) февраля 1813 г. и закончилась капитуляцией крепости 19 ноября (1 декабря) 1813 г.

¹⁶ Тиман 2-й Александр Иванович, подпоручик л.-гв. Артиллерийской бригады.

¹⁷ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 386–386 об.

¹⁸ Грауденц – ныне Грудзёндз, Польша.

¹⁹ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 472–473.

²⁰ Ланской Василий Сергеевич (1754–1831), действительный статский советник, сенатор, в 1812 г. генерал-интендант армий, в 1813 г. Варшавский генерал-губернатор, президент временного правительства Герцогства Варшавского, председатель Верховного совета.

²¹ Доктор Берендорф – личность не установлена.

²² РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 663–664.

²³ Новосильцов Николай Николаевич (1761–1836), вице-президент временного правительства герцогства Варшавского.

²⁴ Яшвиль Лев Михайлович (1772–1836), князь, генерал от артиллерии (1819). С 5 мая 1813 г. в чине генерал-майора назначен начальником артиллерии Главной действующей армии.

²⁵ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. № 458.

²⁶ День праведной Елисаветы, матери св. Иоанна Предтечи, отмечается 5 сентября по старому стилю.

²⁷ Сухозанет Иван Онуфриевич (1788–1861), генерал от артиллерии (1834); в кампанию 1813 г. командовал 1-й артиллерийской бригадой.

²⁸ Опперман Карл Иванович (1776–1831), граф (1829), генерал-инженер (1823). С 19 июля 1813 г. по 1 января 1815 г. в чине инженер-генерал-лейтенанта занимал пост начальника штаба Польской армии.

²⁹ Беннигсен Леонтий Леонтиевич (1745–1826), граф (1813), генерал от кавалерии (1802). В кампанию 1813 г. командовал Польской армией.

³⁰ Резвой Дмитрий Петрович (1762–1823), генерал-майор, в 1813 г. служил в Польской армии.

³¹ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 774–777.

³² Там же.

Публикация Г.В. Ляпишева

АТАМАН ПЛАТОВ И ВОЙСКО ДОНСКОЕ В МЕМУАРАХ БРИТАНСКОГО ОФИЦЕРА (Из коллекции росски Российской национальной библиотеки)

Записки иностранцев о России традиционно вызывают внимание русских читателей. Эти мемуары – своеобразный взгляд со стороны, предвзятая или свободная от пристрастия оценка представителя иной культуры. Зачастую иностранцы обращали внимание на то, что русскому человеку казалось обыденностью, не заслуживающей внимания. И сейчас только из этих мемуаров мы можем узнать о многих реалиях той жизни, привычных для наших предков, но удивлявших иностранцев.

Зачастую использование записок иностранцев позволяет пополнить круг источников отечественного происхождения. Например, нам мало что известно о последних годах жизни знаменитого донского атамана М.И. Платова (1753–1818), уже после свершения подвигов, прославивших его на всю Европу. Мемуаров донских уроженцев, относящихся к началу XIX в., известны единицы – казаки их почти не писали. Русские путешественники, неоднократно проезжавшие через Новочеркасск по пути из России на Кавказ и обратно, не оставили свидетельств о своих встречах или посещениях известного донца. Эти сведения удалось отыскать в путевых заметках британского офицера, посетившего Новочеркасск летом 1817 г.

Кавалер ордена Бани III степени подполковник Джон Джонсон был заурядным колониальным офицером. Тридцать пять лет он провел в Индии. Английский язык его мемуаров далеко не безупречен, иногда даже труден для понимания. В 1817 г. Джонсон вместе со своим сослуживцем капитаном Генри Селтером решили съездить на родину, в Англию. К тому времени у подобных путешественников появился выбор между морским и сухопутным маршрутом. Первый из них был утомите-

лен — кораблям приходилось огибать Африканский континент. Окончание войн в Персии и Европе позволило проложить более короткий, сухопутный маршрут, через Россию.

15 февраля 1817 г. британские офицеры покинули Бомбей и только в начале сентября прибыли в Лондон. Их путь пролегал через Персию, Грузию, Россию, Польшу и Пруссию. В дороге Джонсон вел дневник, как он пишет — для удовлетворения любопытства семьи и друзей. Уже на следующий год этот дневник был издан в Лондоне (*Johnson J. A journey from India to England through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. London, 1818*). Спустя еще год вышел французский перевод, что свидетельствует о популярности книги.

Ниже вниманию читателей предлагается отрывок, в котором описываются пребывания автора в Новочеркасске и встречи с атаманом Платовым. Об известности атамана можно судить уже по тому, что колониальный офицер был наслышан о знаменитом донце.

Уникальность источника в том, что это — последние по времени воспоминания о встречах с Платовым, за несколько месяцев до его смерти. Кроме того, это наиболее объемные записки об атамане, оставленные современником-иностранцем. Очень важно упоминание об известной книге Н.Ф. Смирного (фамилия которого Джонсоном искажена — Смирников) — о первой биографии Платова, изданной вскоре после его смерти. Оказывается, Смирной начал писать ее еще при жизни атамана.

Интересны многие этнографические и бытовые детали, подмеченные мемуаристом. Заслуживает внимания описание войсковой канцелярии и регалий Войска Донского, хранящихся в ней.

Нельзя не отметить и рассказ о наградах Платова. Оказывается, алмазный султан на шапку, хранящийся ныне в Оружейной палате, ветеран был вынужден носить в руке — из-за тяжести драгоценных камней, украшающих его.

Интересно упоминание об англичанке, привезенной атаманом из Лондона. Расхожий анекдот об этом известен по записным книжкам князя П.А. Вяземского: «Говорили, что Платов вывез из Лондона, куда ездил в 1814 году в свите Александра, молодую англичанку в качестве компаньонки. Кто-то, помнится, Денис Давыдов, выразил ему удивление, что, не зная по-английски, сделал он подобный выбор. «Я скажу тебе, братец, — отвечал он, — это совсем не для хфизики, а больше для морали. Она добрейшая душа и девка благонравная; а к тому же такая белая и дородная, что ни дать ни взять ярославская баба»» (*Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 417*). Оказывается, забавный анекдот имел под собою реальную почву, более того, эта англичанка и две ее подруги прожили на Дону до самой смерти Платова.

Автор этих строк крайне признателен петербургскому историку Д.В. Соловьеву, отредактировавшему текст перевода.

...Первый вид Новочеркасска был прекрасен: увиденный нами с вершины холма, он покрывал покатую поверхность соседней возвышенности и выглядел как безбрежное море особняков и нарядных домов, выстроенных в линии под прямыми углами, с пространством для площадей и скверов. Несколько церквей находились на открытых местах или площадях, и дома, обращенные к ним лицом, выглядели прекрасным дополнением, достойным подражания в других городах. Вся эта столица была почти новой и выглядела чистой и регулярной.

На въезде строится некоего рода триумфальная арка значительной высоты, с колоннами, на цоколях которых должны разместиться статуи. Она воздвигается в честь ожидаемого здесь императора Александра, который, насколько мне известно, пользуется здесь всеобщей любовью.

31 июля. По прибытии в город нас пригласили в обширный двухэтажный дом, где отвели три отличные меблированные комнаты, а жившая здесь семья перешла на другую сторону дома. Вскоре явился секретарь графа Платова с известием, что граф сожалеет, но его загородный дом слишком мал, чтобы пригласить нас туда, тем более он уже предоставил часть дома заболевшему мистеру Стречи, приехавшему несколькими днями прежде, и просит позволения прислать нам вина, хлеба, мяса и других продуктов, какие мы пожелаем. Впоследствии он снабдил нас всем в изобилии, а люди, жившие в доме, готовили нам пищу. Кроме этого граф приказал уряднику и шести казакам состоять при нас, доставлять письма и выполнять все наши приказы. Таким образом, мы очень удобно поселились и были избавлены почти от всех расходов.

Граф Платов уже немощен и очень слаб, но все его время посвящено служебным делам, которыми он по привычке занимается преимущественно по ночам, засыпая урывками, когда природа требует свое. Но он просыпается сразу же, как только офицеры являются за приказаниями, и продолжает вести дела.

В его загородном доме находились три английские дамы, одна из которых его protégée, и две ее подруги; а также мистер Вуд, чьим основным занятием, как я полагаю, была забота о конном заводе графа, который, говорят, выглядит очень достойно. К тому же он был компаньоном для этих дам. Поскольку англичане любят графа, он проявляет к ним всевозможное внимание, и, вероятно, здесь в скором времени соберется немало их число. Часовой мастер, хорошо говорящий по-английски, уже обосновался в Новочеркасске. Здесь много лавок: ткани всех видов, скобяные товары, кожи, оловянная посуда, предметы культа, гончарные изделия, меха и пр. Рыночная площадь вся заставлена ими на манер персидских ба-

заров. Пока все лавки деревянные, но, без сомнения, по мере увеличения населения их перестроят в каменные.

Здесь, как и во многих других казачьих городках и станицах, преобладают женщины и дети, а не мужчины, что можно объяснить пребыванием последних на службе, а также потерями, понесенными донскими казаками во время последней славной войны против французов. Следует заметить, что любой казак, будь он торговец или ремесленник, является военным, никто из мужчин не освобожден от военной службы, этой ужасной, но почетной обязанности.

По причине военной службы дома остаются одни старики, и здесь так же много генералов и полковников, как и младших офицеров. В городе насчитывается до двадцати генералов.

Все мужчины и женщины одеваются в длинные верхние одежды; мужчины носят шерстяные чекмени (*great-coat*) или кафтаны (*cloak*), с небольшой фуражкой, женская одежда напоминает отчасти ночную рубашку, спереди открытую снизу, из-под которой видны шаровары. Верхняя одежда сшита из шелка, дамаска, атласа или цветного хлопка. На голове они носят вязаные шапки, такой же формы, как ночные шапочки, имеющие две ленты, или же украшенные цветными фигурами. Они завязываются на голове цветной косынкой, плотно обмотанной вокруг лба, с длинными концами, спадающими на спину. Все молодые незамужние женщины носят волосы заплетенными и опущенными на спину, на манер индианок; но замужние и вдовы прячут косу. Однако платок завязан так, что его концы свисают назад, и трудно понять возраст, пока не подойдешь поближе.

Все продукты здесь очень дешевы и хорошего качества, такие как хлеб, молоко, мясо, крупа и рыба, которая просто великолепна. Как я полагаю, только здесь готовят топленые сливки, подобные тем, что делают в Девоншире и Ирландии, являющиеся наилучшим деликатесом. Они также продают фрукты, но не в изобилии и разнообразии; поскольку город будет расширяться, то, вероятно, разнообразие их увеличится. Хлеб, в очень больших круглых и плоских каравах, превосходен, и донские вина, напоминающие своим букетом шампанское, считаются хорошими. Сахар, чай, кофе и почти все продукты, употребляемые нами, можно найти здесь в изобилии и хорошего качества. Одним словом, путешественник может приобрести самый различный провиант, который может потребоваться в поездке.

Черты лица донских казаков в большинстве своем китайские или же малайские, с их характерными маленькими глазами и большими скулами. В женщинах мало женственного, говорят, они сварливого нрава и стремятся управлять всем в доме. У всех них крупные черты лица и сильное, крепкое сложение, а у многих формы определенно мужские и большие, ино-

странцам их даже трудно отличить от мужчин из-за отвратительного обычая выравнивать форму груди; и поскольку они не носят пояса вокруг талии, их свободный халат или платье не имеют той подчеркнутости и аккуратности, которые так восхищают в женщинах нашей страны. В этом свободном и неуклюжем платье казачки, с их плоскими, крупными чертами лица, имеют неприветливый мужеподобный вид. Одним словом, их одежда и обычаи представляют гротескную смесь мавританского и русского.

Одессу, недавно основанную на Черном море, собираются сделать открытым портом на десять лет. Она находится в 700 верстах от Новочеркасска, но, благодаря навигации по Азовскому морю, английские товары, столь здесь желанные, могут быть доставлены значительно ближе. Из товаров главным образом требуются ножи, медные изделия для дверей, мебель, фланели, ткани для занавесок и рубашек. Обрато можно везти пшеницу и крупу, донские вина, икру, кожи и меха, а также деготь из черной нефти, можно покупать шпат, цена на который около рубля за кубический фут. Портовые уставы Одессы делают перевозку товаров на телегах очень дешевой, и их можно использовать также для товаров небольшого веса. Что касается денежного обращения, дукат сейчас стоит 11 рублей, но в России стараются поднять курс бумажных денег, упавший в последнее время до 1/4 номинальной стоимости.

В Черкасске есть курьезное установление для борьбы с пожарами. На досках, вывешенных у каждой двери для всеобщего обозрения, нарисованы орудия, которые домовладелец должен иметь наготове и являться с ними в случае угрозы такого рода. Например, на одной двери нарисован топор, на другой — бочка с водой, на третьей — ведро или лом, лестница или другой инструмент. При пожарной тревоге хозяева являются с соответствующими приспособлениями, о которых им напоминают изображения на дверях, и таким образом всегда можно рассчитывать на наличие потребных орудий.

При дальнейшем осмотре я увидел две триумфальные арки, возводимые в честь ожидаемого визита императора: одна на северном, другая на южном концах города; стоимость каждой из них, сооруженных иностранными мастерами, вместе со строительными материалами и отделкой составляет тридцать тысяч рублей. Они одноярусные, только арка и колонны, без комнат и каких-либо лестниц для подъема наверх. Поскольку все механические и ручные работы выполняют рядовые казаки, то строительство не так уж дорого.

1 августа. В пять часов вечера коляска графа Платова с четырьмя пассажирами, среди которых был секретарь, заехала, чтобы отвезти нас на обед в его загородное имение, находящееся в трех милях, на склоне холма, поднимающегося от реки Аксай, которая на самом деле канал или

рукав Дона у Старого Черкаска. По прибытии нас представили старому графу, весьма довольному принимать стольких англичан в своем доме. Во время долгого разговора по-французски (а секретарь переводил на русский язык) мы все время говорили о больших почестях и внимании, которых он удостоился в Англии; и граф горячо заверил нас в своей дружбе к нашей нации. Во время беседы принесли красный и белый ликеры в маленьких стаканчиках, согласно русскому обычаю, и их передавали по кругу всем гостям — генералам, покрытым звездами и крестами, ветеранам с седыми головами и усами. Мы расположились на открытой веранде, окружавшей личные покои графа. Когда нас пригласили к обеду, мы последовали за графом в восьмиугольную комнату, где был накрыт стол. На обеде, помимо мистера Стречи, капитана Селтера и меня, присутствовали два генерала, комендант гарнизона, секретарь, два адъютанта, два других офицера, почтмейстер и еще один господин.

Атаман, казалось, с удовольствием подражал англичанам даже в привычке обедать поздно вечером и в манере сервировки стола, на концах которого стояли супы, рыба и мясо, а в середине — различные блюда, сладости, покрытые нестрыми салатами. Каждое блюдо было сервировано на тарелке. Граф лично исполнял обязанности хозяина, сперва, преодолевая усталость, угощал каждого супом, который подавал в серебряных тарелках, таких горячих, что их было трудно держать. После супов перед каждым гостем были расставлены различные блюда из мяса, уже нарезанные по русскому обычаю. После того как мы их попробовали, гостеприимный ветеран подчеркнул, что на моем винном бокале имеется портрет Его Королевского Высочества принца-регента, за здоровье которого я должен выпить немного донского вина, заверив при этом, что оно полезно и гораздо лучше воды. Хотя я почти двадцать лет не пил вина, я ответил, что по такому случаю должен сделать все, что в моих силах, для исполнения его желания, и наполнил свой бокал. К счастью, вино, показавшееся мне весьма приятным, было легким и искрящимся шипением сильно напоминало шампанское. После первого раза уже было невозможно отказаться, и я выпил еще несколько бокалов в продолжение многих тостов, один из которых был за императора России, причем из стоявшего перед графом и переданного мне бокала с портретом Его Величества. Также я выпил за здоровье короля Великобритании. Были тосты за здоровье каждого из нас, генералов и всех присутствующих. Наконец, предложили выпить за здоровье графа и пожелали ему долгих лет, и я пожелал, чтобы казачьи роды, потерявшие своих мужчин в сражениях за родину, разрослись вдвое по сравнению с тем, что было у них до войны. Наконец, граф произнес тост и от себя: «Вся Британская нация — мои друзья и настоящие друзья России». Затем мы вернулись на прохладную веранду. Маленькая, красивая восьмиугольная комната, где мы обедали, находилась отдельно от флигелей и была

связана с ними только затененными виноградными аллеями. Личные покои занимали правое длинное крыло, а в левом крыле находились, вероятно, комнаты для офицеров его свиты и подсобные помещения. Когда мы шли обедать, на правом склоне холма я видел храм восьмиугольной формы, дорога к которому шла через виноградник. Строения, составляющие резиденцию, ограничивают пространство, в котором коляска развернулась и остановилась у центральной части дома. Передняя часть продолговатого четырехугольного двора ограничивалась оградой и большими закрывающимися воротами.

Место для чаепития находилось в задней части веранды, для нас приготовили чай и кофе, которые мы пили на английский манер, и были очень рады оказаться еще раз в обществе наших соотечественников. Комендант гарнизона и генералы также пили чай, но со спиртом вместо сливок, эту смесь они величали грогом. Однако вскоре они удалились.

Здесь я улучил момент поговорить с графом о посылке с шальями, которую я привез из Индии для графини Бодиси в Севастополе, посланную ей братом, майором Уиллисом, плац-майором в Бомбее. Круглая запаянная оловянная коробка в сохранности пересекла все карантинные и не открывалась с тех пор, как мы покинули Индию. Граф весьма любезно отдал ее почтмейстеру вместе с письмами, которые я написал графине Бодиси и мадам Уиллис в Эльмаен (Elmahien). Он приказал, чтобы коробку отослали к графине, с которой он даже не был знаком лично. Эта отправка была для меня большим облегчением, поскольку с ней было очень трудно проезжать через карантинные и таможенные.

Заботясь о доброй репутации англичан, я часто расспрашивал русских офицеров, например, о нравах тех персон, которые приехали с графом из Англии три года тому назад и до сих пор жили с ним в его загородном доме. С большим удовольствием выслушал я похвалы их любезному и похвальному во всех отношениях обращению. Говорили, что они все заслуживают полного уважения, изъясняемого самим графом.

Поскольку мы много слышали о наградах и орденах, пожалованных графу за отличную службу и личные заслуги, мы хотели увидеть их, и наше желание вскоре исполнилось. Нас проводили в одну из внутренних комнат, где все эти великолепные знаки отличия были по отдельности показаны нам:

1. Султан, или перо с алмазами и рубинами, очень большой ценности, пожалованный графу русским императором как украшение для шапки. Он слишком тяжел, чтобы его носить; но во всех важных случаях граф держит эту награду в руке.

2. Золотая табакерка, украшенная бриллиантами, с портретом императора.

3. Еще одна такая же, с портретом прусского короля.

4. Сабля, которой он очень дорожит и добавил на ее эфес несколько крупных бриллиантов. Она пожалована ему городом Лондоном и имеет памятную надпись на английском языке об его храбрости и уважении к оказанным им заслугам в великом деле освобождения Европы.

5. Ценимый им больше всего медальон с портретом Его Королевского Высочества, принца-регента Англии, украшенный бриллиантами и увенчанный короной.

Кроме этого было много портретов — русской императрицы, короля и королевы Пруссии и несколько других, подаренных ему от союзных держав. Одним словом, все российские ордена, пожалованные ему, и многое другое составляют собрание знаков отличия, вероятно, более многочисленное, чем удостоились многие другие известные личности.

Эти почетные награды будут дороги его семье и их потомкам и будут почитаемы всеми подданными Российской империи, благополучию которых была посвящена вся его жизнь, представляющая собой деятельную военную карьеру и службу, полную опасностей.

Прежде чем я оставлю эту тему, уместно остановиться на других очевидных примерах его любезного расположения и большого уважения к англичанам. Мистер Стречи со времени его прибытия в Черкасск был очень нездоров; граф, хотя его дом был тогда полон, назначил ему комнату, и поскольку его кибитка была очень неудобна, отдал ему свою собственную коляску (*calèche*) для продолжения путешествия. По нашему прибытию он обеспечил нас отличным жилищем в городе и прислал секретаря передать его сожаления в связи с отсутствием комнаты для нас в его загородном доме. Он также послал нам гораздо больше припасов, нежели необходимо, различную провизию и вина, предложив нам пользоваться его колясками и распорядиться урядником и тремя рослыми казаками.

Еще до нашей встречи с атаманом мы решили уехать из Новочеркасска после обеда, но, сообщив о нашем намерении секретарю, мы услышали о желании графа иметь удовольствие от нашего общества и далее, по какой причине он отложил написание писем к Его Королевскому Высочеству принцу-регенту и своим достойным друзьям — лорду Перси, лорду Джеймсу Муррею и Его Светлости герцогу Нортумберлендскому, эти письма он хотел переслать с нами. Секретарь добавил, что в воскресенье будет очень большой праздник, а именно день рождения или, точнее, тезоименитство вдовствующей императрицы, и граф хотел, чтобы мы присутствовали на торжественной церемонии, но долее сего он не намерен злоупотреблять нашим временем. Как только секретарь упомянул о письмах графа, мы заверили его, что почитаем своей обязанностью подождать, пока граф не напишет письма, которые мы возьмем с искренним удовольствием. Поэтому мы решили отложить наш отъезд до окончания праздничного приема в воскресенье.

За столом граф, услышав наше мнение о донских винах, просил нас взять несколько бутылок в Англию; и если, отведав их там, мы найдем, что они хороши и могут перенести путешествие, он будет рад послать вино английским друзьям, предложив сначала лучшие произведения своего собственного виноградника Его Королевскому Высочеству принцу-регенту. Конечно, мы согласились взять несколько бутылок в коляску в качестве образца, согласно его желанию.

Во время разговора граф заметил, что мы должны обратить внимание на обширные пастбища, где выращивались лошади для русской кавалерии, каковые не менее важны, чем население и сельские угодья; по всей империи зерно в изобилии, и может быть освоено гораздо большее количество земли, ныне пустующее, как только это потребует. Относительно лошадей его мнение было, что наилучшими для кавалерии являются карабахские лошади персидской породы, скрещенной с арабской. На мое упоминание о кабардинских лошадях он сказал, что они с добрым характером, отлично сложены и хорошего роста, но, подобно многим другим отличным породам, требуют заботливого ухода.

2 августа. Вечером мы отправились смотреть почетные знамена, рескрипты и военные трофеи донских казачьих полков, полученные в разные времена, начиная с царствования императрицы Елизаветы, и ныне хранящиеся в Новочеркасске, в их штаб-квартире. Обычай пожалования этих наград начинается, кажется, именно с этого периода.

Сначала нас проводили в зал заседаний, где мы увидели несколько прекрасных портретов — императора Александра, императрицы Екатерины, очень удачный портрет императора Павла и большой портрет во весь рост Петра Великого, а также одного известного казачьего предводителя, завоевавшего народы Кавказа. Эти картины выполнены очень хорошо.

Во главе стола для совещаний находится кресло графа как атамана, а по сторонам расположены четыре кресла для других генералов, помогающих ему в качестве советников. Первое справа принадлежит генерал-майору Родионову, второму по старшинству, оно постоянное, другие в течение трех лет попеременно занимают советники, назначаемые из многих генералов Войска Донского. Посреди стола стоит замечательное резное сооружение в форме саркофага, осматривая который, я увидел, что на каждой из его сторон написана клятва, даваемая членами совета, и указы императора об их обязанностях; таким образом, советники, собравшись на заседание, имеют перед глазами свои клятвы и обязанности.

Затем мы спустились в комнаты, где хранятся знамена и трофеи; дверь открыли с особой торжественностью и, впустив только охрану и сопровождавших нас лиц, сразу же закрыли. После этого растворили двери нескольких больших шкафов. Нам была показана большая часть выданных ящиков, в которых хранились знамена отдельно, но их количество

было так велико, что детальный осмотр занял бы около дня. Все знамена из атласа или дамаска, вышиты золотом, имеют золотую кайму или другие украшения из того же металла. Шелковая основа была зеленого, голубого, желтого или белого цвета, на некоторых знаменах помещены образы святых, по большей части Св. Георгия с драконом; а на других — большие красивые золотые кресты на серебряном фоне, окруженные изображениями оружия и т.д. Имелись также изображения великолепно украшенного орла с распростертыми крыльями. Подле каждого штандарта находилась шкатулка с письмом или грамотой о пожаловании знамени. Эти регалии в основном переплетены, подобно книгам: вельвет с орнаментом, кисточки и застежки из чистого золота, а также золотая коробочка для правительственной печати.

Записи сделаны в основном на листах тонкого пергамента, поля которого искусно орнаментированы, а в конце текста — миниатюрные картины или виньетки, изображающие сражения, за которые получены эти награды. Некоторые из них нарисованы на атласе, все страницы проложены шелком.

Каждое знамя окаймлено надписью большими буквами золотом или яркими красками с именем императора или императрицы, пожаловавших сей почетный знак, и указанием на событие и дату. Подробное описание этих ценных и интересных регалий в настоящее время готовится в виде приложения к «Истории казаков и их атамана графа Платова», написанной его секретарем Смирниковым. До тех пор, пока это достоверное описание не составлено, любая попытка описания их по памяти будет неизбежно содержать ошибки.

Мы перешли по новому мосту из лодок через рукав Дона в сторону Московской дороги и осмотрели возводимую здесь триумфальную арку, поскольку ожидается, что император въедет в Новочеркасск с этой стороны. Затем мы прокатились, чтобы опробовать некоторые коляски на пружинах, вроде *calèche* и *dogteuse*, многие из которых предлагались по цене от 1200 до 2500 рублей; самая высокая цена была за очень элегантную коляску, почти совсем новую. Мы заказали четырехместную коляску (*barouchette*), оснащенную коробками и всем реквизитом для путешествия, положив плату в 2000 рублей в Санкт-Петербурге. Это позволило бы нам сохранить много времени, путешествуя ночью так же свободно, как и днем, что невозможно было делать в кибитке из-за бешеной тряски, поскольку ямы и препятствия на дороге неразличимы в темноте. Коляска на пружинах в некоторой степени смягчает эти неудобства, а сиденья путешественников гораздо удобнее.

После заката нас обрадовал приезд графа Платова, прибывшего с ответным визитом. Он выпил с нами чаю, и во время разговора я случайно упомянул, что его секретарь любезно помог нам в выборе коляски и выбрал

действительно замечательную, почти новую, какую мы и хотели. Я считал, что графу будет приятно услышать об оказанной нам услуге; но он, напротив, заявил, что коляска, в которой он приехал, будет отдана нам, и просил взять ее на память о нем. Я хотел отказаться от этого подарка всеми возможными способами. Гроссман, служивший нам переводчиком, пожалев о нашей предполагаемой покупке, упомянул о продавце коляски, но граф, обратившись к нему по-русски, сказал, что «поскольку он ценит дружбу, то не позволит нам здесь купить какую-либо вещь. Эти англичане уедут, но ты останешься, и если они купят коляску, ты никогда больше не увидишь моего лица. Скажи им, что это ошибка, и коляску нельзя продавать. Я pošлю им одну из своих. Сейчас, если ты ценишь мою поддержку, не говори ничего об этом, пока они не получат мою коляску». Граф оставался до девяти часов вечера и затем уехал. На следующий день я узнал, что он вновь послал к господину Гроссману с известием, что в час дня коляска будет послана нам, она очень удобная, вмещает четыре персоны и имеет две коробки — спереди и сзади. Это, конечно, заставило нас отказаться от покупки новой коляски, хотя и не без некоторого беспокойства, как бы эта щедрость не причинила ему неудобств, поскольку он уже отдал одну коляску мистеру Стречи. Мы не могли понять, осталась ли у него хоть одна для собственных нужд. Однако мы узнали, что он заказал новые коляски в Петербурге.

Нашу кибитку, с постелью и другими принадлежностями, пришлось оставить. Здесь я хочу настоятельно порекомендовать путешественникам, едущим с востока, приобрести для поездки домой с самого начала наилучшую коляску, какую они только смогут найти. Надо непременно приобретать коляску с дышлом (*pole*), а не оглоблями (*shafts*), поскольку в любой другой стране лошадей невозможно запрячь в оглобли на русский манер. Поэтому, даже если бы мы отправились и дальше в кибитке, нам неизбежно пришлось бы прервать поездку в Киеве или, во всяком случае, в Варшаве, далее которой в кибитке невозможно ехать. Путешественник из Индии может рассчитывать на приобретение рессорной коляски в любой части пути от Тифлиса до Георгиевска; в крайнем случае, он приобретет ее здесь — их множество, самых разных, во всех частях города.

3 августа. В воскресенье, когда все сословия посещают церковь, мы имели прекрасную возможность рассмотреть их костюмы. Дамы были одеты очень ярко, в шелка разных цветов — розовый, красный, голубой и т.д. Их платья, напоминающие шубы, открыты спереди и достигают пят, без застежек или пуговиц, но стянуты вокруг талии некоторым подобием ленты.

В час дня мы отправились в новый кафедральный собор; но так как служба уже началась, мы подождали немножко и вошли в то время, как

пели «Тебя Бога хвалим». Граф Платов и все его офицеры были в парадной форме, украшенные звездами и орденами. Мы прошли по центральному проходу и встали вблизи графа. Служба очень впечатляла, хотя и без музыки, но хор производил очень сильный эффект. В определенные моменты несколько маленьких пушек, установленных вблизи церкви, стреляли. Одевания священников, так же как золотые и серебряные украшения на образах и на балдахине над ними, были великолепны и величественны. В два часа служба закончилась, граф уехал домой, чтобы успеть отдохнуть от утренних и вчерашних трудов до званого обеда в шесть часов вечера, в честь дня рождения вдовствующей императрицы или, вернее, ее тезоименитства, которое отмечается по всей России как торжественный праздник. Церемонии, возложенные на графа по сему случаю, состоят в принятии в 11 утра адреса и поздравлений от всех жителей и приеме их значительной части на обеде вечером. Хотя перед церковью было много экипажей, мне сказали, что там находился всего лишь один генерал с семьей — из двадцати, живущих в Черкаске, — остальные находились тогда в загородных домах. Принимая во внимание число жителей, церковь мало посещают. Здесь, помимо казаков, живут иностранцы, особенно немцы, занимающиеся винной торговлей или виноделием, а также пивоварением; они поселились недавно. Один из немцев преподает французский язык в школе. Господин Гроссман женат на польке, и я встретил семь или восемь дам этой национальности, живущих здесь, в большинстве своем хорошо образованных и весьма привлекательных. Почти все они говорили по-французски и составляли небольшое общество *à la française*.

Здесь существует рабство. Мужчины, женщины и дети продаются русским или иностранным поселенцам, при этом называют очень умеренные цены. Мне показывали девушку-служанку, отличного здоровья, примерно семнадцати лет, оцененную в триста рублей ассигнациями, или около 15 фунтов стерлингов. Прислуга подобного рода имеется почти в каждой семье.

За недолгое время нашего пребывания здесь наша хозяйка взяла у нас белье для стирки, поручив эту работу своим служанкам. За сотню различных вещей, от рубашек до шейных и носовых платков, она запросила 10 фунтов мыла и 20 рублей за стирку — чрезмерная цена, скорее всего, как возмещение за наше проживание в доме.

Согласно последнему указу императора, купцы не могут получать по дорожным на почтовых лошадей для перевозки товаров, особенно в местах или на дорогах часто посещаемых, где постоянно проезжают курьеры или путешественники. Но здесь, поскольку движение небольшое и лошади в изобилии, их можно использовать в качестве почтовых лошадей, хотя следует заметить, что помимо правительственной почты существует частная почта, на загруженных дорогах, которая называется купечес-

кой. Путешественник, нанявший лошадей на такой почте в любом месте, например в Одессе, договаривается с почтмейстером и едет от деревни к деревне. Остановка всегда делается в частных домах, но это дороже, чем на правительственной почте. Однако лошади есть на каждой станции, и путешественник с товарами может без особого труда ехать из одной части России в другую, и по умеренным ценам, немногим более чем на правительственной почте.

Сейчас в Черкаске возводится новый каменный кафедральный собор, который должен быть не меньше, чем храмы в России; кроме того, здесь еще шесть церквей, в них служба идет по воскресеньям и праздникам. Казаки очень религиозны, и хотя имеется несколько толков в их догматах, православные традиции богослужения те же, что в греческой церкви.

Мистер Стречи, почувствовав себя достаточно здоровым, чтобы отправиться дальше, уехал за два дня до нашего отъезда; его сопровождал молодой слуга-француз, немного говоривший по-русски, которого он нанял до Гамбурга. Мы отложили отъезд только для того, чтобы взять письма графа Платова.

Усталость от служебных дел не позволяла ему написать эти письма до вечера понедельника 4 августа, когда мы явились к нему попрощаться. Только к десяти часам вечера мы были готовы отправиться в коляске (*calèche*), которую он так любезно прислал нам. Она, хотя и вместительная, была довольно-таки стара и не имела достойного вида. Мы очень сожалели, что не приобрели наилучшую и наипрочнейшую коляску, но не могли отказать от сего любезного подарка, как знака истинного гостеприимства.

В то время как мы прощались с графом, офицерами и другими членами его семейства, он приказал нагрузить нашу коляску провизией, вином, мясом и даже фруктами, упакованными в банки. Более того, он приказал, чтобы урядник поехал впереди нас в кибитке и приготовил почтовых лошадей. Охрана из рослых казаков сопровождала нас до границ Войска Донского. Он не успокоился до тех пор, пока все эти меры не были приняты и все было сделано для нашей безопасности, и только тогда отпустил нас. Открытое и радушное гостеприимство сего славного ветерана не могло не вселить в нас самые теплые чувства. Мы приехали к нему без формальных рекомендаций, только известив его, что мы британские офицеры, и были встречены как старые друзья. Для сего оказалось достаточно одного звания британских офицеров, он был рад возможности засвидетельствовать искреннюю свою дружбу к нации, приветствовавшей его со столь многими изъявлениями уважения и восхищения. Прием, оказанный ему и его братьям по оружию во время их визита в Англию, осуждался некоторыми, как слишком показной и чрезмерно дорогой; но столь ограниченный взгляд будет безусловно отвергнут, когда станет известно,

сколь дружелюбные чувства он породил. Легко было заметить, что граф Платов с воодушевлением рассказывал об Англии, его похвала не была простым выражением вежливости, но проистекала от самого сердца. Гостеприимство всей нации нельзя осуждать как расточительность или неблагоразумие, если оно имеет столь благие следствия, тем паче в странах, где мы едва известны даже по имени. Если это ведет к лучшему знакомству иностранцев с британским характером, то это увеличивает их дружбу к нам в большей мере, нежели какие-либо чисто политические жесты.

*Публикация А.И.Сапожникова,
кандидата исторических наук (Санкт-Петербург)*

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.А.Смирнов

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ШЕВАРДИНСКИЙ РЕДУТ? (Мнения советских историков)

В двух предыдущих очерках, опубликованных во II и III томах настоящего сборника, был представлен взгляд на роль и место Шевардинского редута участников Бородинской битвы и современников события, а также историков Российской империи. В настоящей статье предлагается познакомиться с мнениями советских историков на назначение Шевардинского редута в системе Бородинских укреплений 1812 г.

У истоков формирования научных взглядов советских исследователей на Отечественную войну 1812 г. стояли работы тех, кто вырос на трудах историков императорской России и получил фундаментальные военно-исторические знания в стенах академий Российской Императорской армии. К ним в первую очередь следует отнести М.С.Свечникова и Н.А.Левицкого. Поэтому в их трудах нашли отражение взгляды Н.П.Поликарпова, Б.М.Колюбакина, А.В.Геруа, В.И.Харкевича, А.П.Скугаревского и других замечательных военных историков конца XIX – начала XX в.

Комбриг М.С.Свечников во втором издании книги «Бородино» писал: «Первоначально левый фланг позиции был намечен у Шевардина, которую Клаузевиц называет “передовой укрепленной позицией” (Свечников почему-то опускает продолжение этих слов Клаузевица: